

• ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Ф. Искандер: «Писатель, как судья, - должен быть вне политики»

С писателем ФАЗИЛЕМ ИСКАНДЕРОМ беседует корреспондент "АиФ" Д. МАКРОЗОВ.

- Фазиль Абдулович, мы долго не могли с вами встретиться. Что мешало нашей встрече, над чем вы работаете?

- Сейчас я пишу небольшую повесть. Впервые я взял образ человека, достаточно далекий от меня. Герой - довольно крупный военный в отставке, родом из Абхазии - чегемец. И он, старый человек, вспоминает о войне, размышляет о том, что происходит вокруг него, к чему идет страна.

Основная тема - греха и покаяния. Кроме того, постоянно проходит тема языка. Ведь в философском плане всякая война - это потеря языка, пренебрежение им. А если говорить о войне гражданской, то потеря языка - это потеря взаимопонимания внутри одного народа. И то, что творится в нашей стране сейчас, в какой-то степени объясняется именно этим. Русский язык исторически объединял всех нас, через него мы все кое-как друг друга понимали. Сейчас же происходит переход республик, народов на средства своего, национального языка. Это ставит преграды в развитии культуры, искусства, экономики, в общении людей друг с другом. И в конечном итоге приводит к тем трагическим результатам, которые мы имеем сегодня.

- Вы говорите, что война - это потеря языка. Следовательно, напрашивается вывод: единственное, что нужно сделать для того, чтобы война прекратилась, - это вновь обрести утраченный язык. Как же это сделать?

- Язык - величайшее мистическое явление человеческого существования. Я даже не знаю,

могут ли быть какие-то достоверные объяснения его появления. Язык дан людям для того, чтобы они, поняв друг друга, могли жить вместе. В отношениях между народами нет никакого иного пути, кроме поиска взаимопонимания. Любой иной путь - это путь насилия, разрушения, презрения к человеку.

- Многие ваши коллеги-писатели подались сейчас в политику. Почему вы не последовали их примеру?

- Я считаю, что, работая здесь в одиночестве, я делаю гораздо больше, чем мог бы делать что-либо другое. Да и потом, никакой тяги к политике у меня не было и нет. И вообще политика как таковая противопоставлена писателю. Он, как судья, должен быть вне политики. Становясь политиком, писатель оказывается вынужден деформировать свою мысль и упростить ее до уровня понимания той массы людей, которую он представляет. Его талант меркнет.

- Тогда тем более интересно, что влечет писателей в политику, чем руководствуются они, вступая на этот путь.

- Эйнштейн когда-то говорил, что завидует пыльщику дров: он быстро видит результаты своих трудов. Мне кажется, нечто подобное связано и с переходом писателей в политику. Если говорить не о карьеристах, а об искренних и талантливых людях, то их на этот путь толкает некая тоска по непосредственному быстрому воздействию на обстановку в обществе, иллюзия мгновенного воздействия добра.

- Раньше, став членом Союза

писателей, литератор получал некую синекуру. Поэт, к примеру, знал, что пару книг в год он опубликует, что давало ему возможность для безбедного проживания. Теперь наступило другое время. На литературные гонорары прожить больше нельзя. Не потому ли все литературные посредственности, будь то в России, или на Украине, или, скажем, в Молдове, так резко рванули в депутаты или министры?

- Рынок в конечном итоге вещь гораздо более честная и беспристрастная, нежели какая бы то ни было идеология, на которой бездари, собственно говоря, и выезжали. Рынок выталкивает серых, скучных, бесталаных людей отовсюду: из литературы, политики, бизнеса. Но во всех сферах рынок пока еще только создается. Если же говорить о литературе, то плохо, что тот же рынок забит сейчас печатной продукцией, ориентированной на самые низменные человеческие интересы, что не дает возможности раскрыться многим талантам. Хотя я уверен, что через год-два читатели насытятся подобной литературой, интерес к ней угаснет и существование серьезных писателей снова станет возможным.

- На наших писателях, мне кажется, лежит одна большая вина. Тот национализм, который расцвел сегодня таким махровым цветом, пустил свои корни еще в 60-е годы, когда писатели вполне реально делились на несколько враждующих лагерей - "семиотов" и "антисемиотов", "нацменов" и "руссопатов". И эта вражда, зародившаяся впервые именно в писательской среде, в конечном итоге стала начальным шагом к распаду Союза ССР.

Окончание на с. 6.

• ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Ф. Искандер: «Писатель, как судья, - должен быть вне политики»

Окончание. Начало на с. 1

- Распад Союза - явление трагическое, и я не думаю, что оно было вызвано одним лишь расколом писательской интеллигенции. Произошло нечто гораздо более страшное. Я в какой-то мере предвидел это и даже написал года два назад большую статью "Письмо друзьям", в которой призывал помедлить с расхождением народов. Я даже сравнивал нас тогда с больными в тюремной больнице, к которым приходит начальник тюрьмы и говорит: "Вы свободны". А на дворе мороз - хорошей одежды нет. Но люди всё-таки расходятся, надеясь в глубине души, что решение может быть временным и потом их снова задержат.

- То есть вы надеетесь, что люди добровольно вернутся в тюрьму, потому что там сытно и тепло?

- Я считал, что будет гораздо проще решать существующие проблемы, если все структуры, объединяющие наши нации, сохранятся. И только потом, когда мы действительно окрепнем, встанем на ноги, тогда уже и будем самостоятельно решать, какой дорогой идти дальше каждому из нас. А распад Союза в то время мог способствовать только дальнейшему разрушению наций, анархии во всех без исключения сферах человеческого бытия.

- Давайте снова вернемся к вашему творчеству. В ваших рассказах и повестях время от времени возникали некие эндурцы, к которым вы, в общем-то, не ахти как хорошо относились.

- Некоторые ошибочно полагают, что это грузины. Я не вкладывал в это понятие такой смысл. Эндурцы - это не грузины, не русские, не евреи, это просто такой образ человеческих предрассудков, образ совка с точки зрения чегемца.

- Живя в Москве со студенческих лет, испытывали ли вы на себе какие-то проявления национализма, о которых мы говорим? Ведь московская публика быва-

ет иногда очень жестокой, она может обидеть, оскорбить...

- Должен вам сказать, что когда я приехал в Москву (это было году в 48-м), то никакого ощущения, что кто-то относится ко мне с пренебрежением как к представителю малого народа, я не испытывал. Может, какие-то зачатки национализма и были тогда, но я их просто не замечал, не сталкивался с ними, во всяком случае. И в Союзе писателей в том числе. Правда, я всегда сторонился писательской общественной жизни, почти никогда не бывал на собраниях: считал, что все это совершенно бесполезно и никакого отношения к творчеству не имеет.

- С кем из писателей и поэтов вы поддерживаете сейчас дружеские отношения? Я знаю, что вы дружите с Булатом Окуджавой...

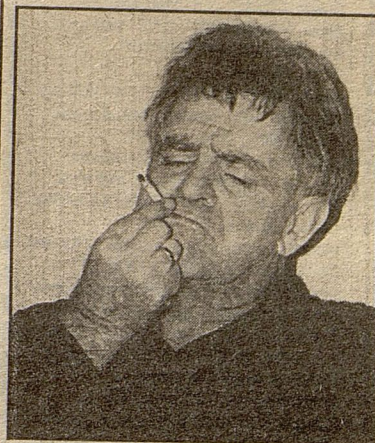
- Да, у нас с ним очень теплые отношения, хотя...

- Хотя он эндурец?

- Нет, нет! Я вас прошу тему эндурства не развивать никак. Тем более, что ее и так многие неправильно понимают.

- Фазиль Абдулович, вас можно назвать живым классиком, на ваших повестях и рассказах выросло, уже смело можно сказать, несколько поколений, ими зачитываются и сегодня. Трудно ли это - быть живым классиком, соответствовать самому себе?

- Вы задаете вопрос, на который как-то неловко отвечать. Трудно ли быть писателем, пытающимся быть правдивым, никому не подыгрывать, понимая при этом, что искусство должно быть прежде всего искусством? Конечно, в условиях советской действительности это было достаточно трудно. В первый раз мой "Сандро из Чегема" был опубликован у нас в чудовищном виде. И когда один американский издатель предложил мне издать "Сандро" в США, то, хотя это и было довольно рискованно в брежневские времена

(1978 г.), я решился на это с тем, чтобы как-то реабилитироваться перед собственной вещью. Но тогда как раз вышел "Метрополь", в котором я принимал участие. И вокруг него поднялся такой шум, что он поглотил и "Сандро".

- Недавно по телевидению прошел один из последних фильмов, снятых по вашим произведениям, - "Пыры Валтасара, или Ночь со Сталиным". Как складываются ваши отношения с кинематографом, довольны ли вы своим сотрудничеством с ним?

- Мне кажется, что из всех фильмов, которые делались по моим вещам, "Пыры", поставленный Юрием Карой, самый удачный. Были и другие, неплохие в своем роде, но все они достаточно далеки от моей поэтики. Ведь постановка может быть удачной лишь тогда, когда и у режиссера, и у писателя достаточно схожая поэтика понимания окружающего мира. Я часто слышал, как режиссеры, которые с большим энтузиазмом брались делать фильмы по моим вещам, сталкивались с достаточно однообразными трудностями: сила моей поэтики настолько внутри языка, его тонкостей, юмора... А в кино сейчас требуются динамическая ситуация, сюжет.

Фото Б. Кремера

Ф. Искандер: «Писатель, как судья, -
должен быть вне политики»

С писателем ФАЗИЛЕМ ИСКАНДЕРОМ беседует корреспондент «АиФ» Д. МАКРОЗОВ.

- Фазиль Абдулович, мы долго не могли с вами встретиться. Что мешало нашей встрече, над чем вы работаете?

- Сейчас я пишу небольшую повесть. Впервые я взял образ человека, достаточно далекий от меня. Герой - довольно крупный военный в отставке, родом из Абхазии - чегемец. И он, старый человек, вспоминает о войне, размышляет о том, что происходит вокруг него, к чему идет страна.

Основная тема - греха и покаяния. Кроме того, постоянно проходит тема языка. Ведь в философском плане всякая война - это потеря языка, пренебрежение им. А если говорить о войне гражданской, то потеря языка - это потеря взаимопонимания внутри одного народа. И то, что творится в нашей стране сейчас, в какой-то степени объясняется именно этим. Русский язык исторически объединял всех нас, через него мы все кое-как друг друга понимали. Сейчас же происходит переход республик, народов на средства своего, национального языка. Это ставит преграды в развитии культуры, искусства, экономики, в общении людей друг с другом. И в конечном итоге приводит к тем трагическим результатам, которые мы имеем сегодня.

- Вы говорите, что война - это потеря языка. Следовательно, напрашивается вывод: единственное, что нужно сделать для того, чтобы война прекратилась, - это вновь обрести утраченный язык. Как же это сделать?

- Язык - величайшее мистическое явление человеческого существования. Я даже не знаю,

могут ли быть какие-то достоверные объяснения его появлению. Язык дан людям для того, чтобы они, поняв друг друга, могли жить вместе. В отношениях между народами нет никакого иного пути, кроме поиска взаимопонимания. Любой иной путь - это путь насилия, разрушения, презрения к человеку.

- Многие ваши коллеги-писатели подались сейчас в политику. Почему вы не последовали их примеру?

- Я считаю, что, работая здесь в одиночестве, я делаю гораздо больше, чем мог бы делать что-либо другое. Да и потом, никакой тяги к политике у меня не было и нет. И вообще политика как таковая противопоставлена писателю. Он, как судья, должен быть вне политики. Становясь политиком, писатель оказывается вынужден деформировать свою мысль и упростить ее до уровня понимания той массы людей, которую он представляет. Его талант меркнет.

- Тогда тем более интересно, что влечет писателей в политику, чем руководствуются они, вступая на этот путь.

- Эйнштейн когда-то говорил, что завидует пыльщику дров: он быстро видит результаты своих трудов. Мне кажется, нечто подобное связано и с переходом писателей в политику. Если говорить не о карьеристах, а об искренних и талантливых людях, то их на этот путь толкает некая тоска по непосредственному быстрому воздействию на обстановку в обществе, иллюзия мгновенного воздействия добра.

- Раньше, став членом Союза

писателей, литератор получал некую синектуру. Поэт, к примеру, знал, что пару книг в год он опубликует, что давало ему возможность для безбедного проживания. Теперь наступило другое время. На литературные гонорары прожить больше нельзя. Не потому ли все литературные посредственности, будь то в России, или на Украине, или, скажем, в Молдове, так резко рванули в депутаты или министры?

- Рынок в конечном итоге вещь гораздо более честная и беспристрастная, нежели какая бы то ни было идеология, на которой бездари, собственно говоря, и выезжали. Рынок вытесняет серых, скучных, бесталаных людей отовсюду: из литературы, политики, бизнеса. Но во всех сферах рынок пока еще только создается. Если же говорить о литературе, то плохо, что тот же рынок забит сейчас печатной продукцией, ориентированной на самые низменные человеческие интересы, что не дает возможности раскрыться многим талантам. Хотя я уверен, что через год-два читатели насытятся подобной литературой, интерес к ней угаснет и существование серьезных писателей снова станет возможным.

- На наших писателях, мне кажется, лежит одна большая вина. Тот национализм, который расцвел сегодня таким махровым цветом, пустил свои корни еще в 60-е годы, когда писатели вполне реально делились на несколько враждующих лагерей - "семитов" и "антисемитов", "нацменов" и "руссопатов". И эта вражда, зародившаяся впервые именно в писательской среде, в конечном итоге стала начальным шагом к распаду Союза ССР.

Окончание на с. 6.

● ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Аргументы и факты. 1993 - март-апрель

Ф. Искандер: «Писатель, как судья, -
должен быть вне политики»

Окончание. Начало на с. 1

- Распад Союза - явление трагическое, и я не думаю, что оно было вызвано одним лишь расколом писательской интеллигенции. Произошло нечто гораздо более страшное. Я в какой-то мере предвидел это и даже написал года два назад большую статью "Письмо друзьям", в которой призывал помедлить с расхождением народов. Я даже сравнивал нас тогда с больными в тюремной больнице, к которым приходит начальник тюрьмы и говорит: "Вы свободны". А на дворе мороз - хорошей одежды нет. Но люди всё-таки расходятся, надеясь в глубине души, что решение может быть временным и потом их снова задержат.

- То есть вы надеетесь, что люди добровольно вернутся в тюрьму, потому что там сытно и тепло?

- Я считал, что будет гораздо проще решать существующие проблемы, если все структуры, объединяющие наши нации, сохранятся. И только потом, когда мы действительно окрепнем, встанем на ноги, тогда уже и будем самостоятельно решать, какой дорогой идти дальше каждому из нас. А распад Союза в то время мог способствовать только дальнейшему разрушению наций, анархии во всех без исключения сферах человеческого бытия.

- Давайте снова вернемся к вашему творчеству. В ваших рассказах и повестях время от времени возникали некие эндурцы, к которым вы, в общем-то, не ахти как хорошо относились.

- Некоторые ошибочно полагают, что это грузины. Я не вкладывал в это понятие такой смысл. Эндурцы - это не грузины, не русские, не евреи, это просто такой образ человеческих предрассудков, образ совка с точки зрения чегемца.

- Живя в Москве со студенческих лет, испытывали ли вы на себе какие-то проявления национализма, о которых мы говорим? Ведь московская публика быва-

ет иногда очень жестокой, она может обидеть, оскорбить...

- Должен вам сказать, что когда я приехал в Москву (это было году в 48-м), то никакого ощущения, что кто-то относится ко мне с пренебрежением как к представителю малого народа, я не испытывал. Может, какие-то зачатки национализма и были тогда, но я их просто не замечал, не сталкивался с ними, во всяком случае. И в Союзе писателей в том числе. Правда, я всегда сторонился писательской общественной жизни, почти никогда не бывал на собраниях: считал, что все это совершенно бесполезно и никакого отношения к творчеству не имеет.

- С кем из писателей и поэтов вы поддерживаете сейчас дружеские отношения? Я знаю, что вы приятельствуете с Булатом Окуджавой...

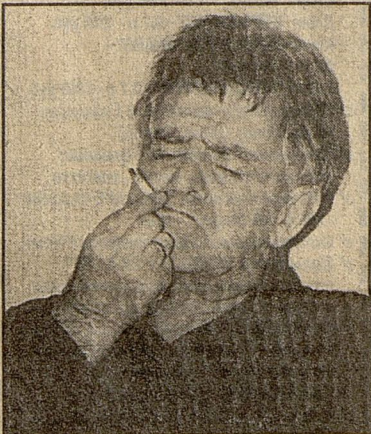
- Да, у нас с ним очень теплые отношения, хотя...

- Хотя он эндурец?

- Нет, нет! Я вас прошу тему эндурства не развивать никак. Тем более, что ее и так многие неправильно понимают.

- Фазиль Абдулович, вас можно назвать живым классиком, на ваших повестях и рассказах выросло, уже смело можно сказать, несколько поколений, ими зачитываются и сегодня. Трудно ли это - быть живым классиком, соответствовать самому себе?

- Вы задаете вопрос, на который как-то неловко отвечать. Трудно ли быть писателем, пытающимся быть правдивым, никому не подыгрывать, понимая при этом, что искусство должно быть прежде всего искусством? Конечно, в условиях советской действительности это было достаточно трудно. В первый раз мой "Сандро из Чегема" был опубликован у нас в чудовищном виде. И когда один американский издатель предложил мне издать "Сандро" в США, то, хотя это и было довольно рискованно в брежневские времена

(1978 г.), я решился на это с тем, чтобы как-то реабилитироваться перед собственной вещью. Но тогда как раз вышел "Метрополь", в котором я принимал участие. И вокруг него поднялся такой шум, что он поглотил и "Сандро".

- Недавно по телевидению прошел один из последних фильмов, снятых по вашим произведениям, - "Пираты Валтасара, или Ночь со Сталиным". Как складываются ваши отношения с кинематографом, довольны ли вы своим сотрудничеством с ним?

- Мне кажется, что из всех фильмов, которые делались по моим вещам, "Пираты", поставленный Юрием Карой, самый удачный. Были и другие, неплохие в своем роде, но все они достаточно далеки от моей поэтики. Ведь постановка может быть удачной лишь тогда, когда и у режиссера, и у писателя достаточно схожая поэтика понимания окружающего мира. Я часто слышал, как режиссеры, которые с большим энтузиазмом брались делать фильмы по моим вещам, сталкивались с достаточно однообразными трудностями: сила моей поэтики настолько внутри языка, его тонкостей, юмора... А в кино сейчас требуются динамическая ситуация, сюжет.

Фото Б. Кремера